

ГЕРОИ-ОДНОФАМИЛЬЦЫ В ПРОЗЕ И.А. БУНИНА
Баженова Я.В.,
научный руководитель канд. филол. наук Анисимова Е.Е.
Сибирский федеральный университет

Имя собственное не только занимает особое положение в системе языка, но и особым образом функционирует в культуре и, в особенности, в литературном тексте. Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский в статье «Миф – имя – культура» рассматривают имя как часть мифологического сознания и говорят об отсутствии свойства условности имени как языкового знака. С позиций мифологического сознания имя собственное тождественно знаку, то есть акт называния одновременно является актом создания объекта¹. О проблеме функционирования имени собственного в литературных текстах говорит В.В. Мароши. Он утверждает, что выбор имен собственных не только является проявлением индивидуального стиля и творческим актом автора, но и его авторефлексией².

Проблема героев-однофамильцев в прозе Бунина впервые была поставлена в работах Е.В. Капинос. Исследовательница обратилась к анализу одной из трёх бунинских ономастических парадигм. В статьях «“Некто Ивлев”: возвращающийся персонаж Бунина» (2010) и «Автоперсонаж и онейрическое пространство в рассказе И.А. Бунина “Зимний сон”» (2011) Капинос указала на три рассказа с персонажем по фамилии *Ивлев*: «Грамматика любви», «Зимний сон» и «В некотором царстве». По наблюдению исследовательницы, эти три рассказа являются «квинтэссенцией»³ мотивов *сна, памяти, любви и смерти*, а сам *Ивлев* – образом, эволюционировавшим из второстепенного героя в прямого посредника между «миром автора и миром героев», то есть в *alter ego* Бунина. Таким образом, герои-однофамильцы становятся стержнем, объединяющим несколько бунинских рассказов в цикл.

Объектом нашего исследования являются две другие ономастические парадигмы писателя, названные в статьях Капинос в качестве фона «ивлевскому тексту», но не ставшие предметом анализа. Исследовательница называла два рассказа с персонажами по фамилии *Хрущевы* («Снежный бык» и «Суходол» (1911)) и два рассказа с персонажами по фамилии *Мещерские* («Легкое дыхание» (1916) и «Натали» (1942)). Кроме того, нами в ходе исследования были обнаружены и другие тексты «хрущёвского» и «мещерского» циклов: рассказы «Пыль» (1913) и «Митина любовь» (1924).

В течение трех лет с 1911 по 1913 гг. Бунин написал три рассказа с героем по фамилии *Хрущев*. В их отношении, как и в «ивлевских» рассказах, можно говорить о сближении героев Бунина с автором. Одной из стратегий этого сближения является включение в рассказ мощного биографического подтекста. Во-первых, в указанных рассказах просматриваются прямые аналогии между родом Буниных и известным древним дворянским родом Хрущовых. В конце XV века основатель рода Иван Иванович *Хрущ* выехал из Польши в Москву, где принял православие и сменил фамилию на *Хрущова*. Аналогичным образом предок Бунина Семен Бониковский отправился в Мо-

¹ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф – имя – культура // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллин, 1992. С. 59-71.

² Мароши В.В. Имя автора: историко-типологические аспекты экспрессивности: автореф. дис. докт. филол. наук. Новосибирск, 2000. Режим доступа: <http://www.dissertcat.com/content/imya-avtora-istoriko-tipologicheskie-aspektu-ekspressivnosti> (дата обращения: 10.03.2014).

³ Капинос Е.В. «Некто Ивлев»: возвращающийся персонаж Бунина // Материалы к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы: Лирические и эпические сюжеты. Новосибирск, 2010. Вып. 9. С. 139.

скую из Великого княжества Литовского (Польша) в том же XV в. и сменил фамилию на *Бунина*. Среди членов рода Хрущовых было немало воевод и казачьих предводителей, в частности, племянник Ивана Ивановича Борис Лукич был казачьим головой в Воронеже и Ельце. Сходным образом предкам Бунина были пожалованы грамоты на поместья в Воронежской и Орловской губерниях, а малой родиной самого писателя, как известно, были именно Воронеж и Елец.

Во-вторых, в «хрущёвский» цикл включаются точные детали биографии самого Бунина. Так, в «Снежном быке» прототипом мальчика Коли становится сын Бунина от первого брака с А.Н. Цакни – Николай. Мальчик умер в 5 лет, что Бунин чрезвычайно тяжело переживал, и до последних дней носил его портрет. Повесть «Суходол» также в значительной степени автобиографична, начиная от топографии Суходола, прообразом которого стала бунинская Каменка, и заканчивая прямыми ассоциациями персонажей повести и членов семьи писателя. В рассказе «Пыль» писатель художественно воссоздаёт свои детские и юношеские воспоминания: об экзамене в елецкую гимназию и работе корректором в губернских ведомостях.

Другой стратегией циклообразования для «хрущёвских» текстов становится их мотивное единство. В качестве основных мы выделили мотив путешествия и мотив возвращения к прошлому. В «Снежном быке» бессонная ночь ведет Хрущева во двор к снегуру, которого забыли сломать днем. Хрущев-рассказчик в «Суходоле» вспоминает посещение родового поместья, покинутого хозяевами. Хрущов из «Пыли» непосредственно путешествует куда-то поездом и останавливается в городе, напоминая ему о юности. Кроме того, он вспоминает уже посещаемые им страны Востока, Турцию. *Хрущёвых* всё время влечет куда-то, тянет, но при этом они всегда двигаются из некоего центра *на окраину*. В «Снежном быке» бессонная ночь ведет Хрущева к воротам, *за границу* усадьбы. В «Суходоле» молодые Хрущевы приехали в умирающее имение, а внутри него *«бродили по саду, забирались в глушь окраин»*⁴. Дом мещанина Мухина на Пушкарной улице, который хочет увидеть Хрущов в «Пыли» расположен *на краю* города. Хрущевы возвращаются к старому не только внешне, но и внутренне: они предаются воспоминаниям. В «Снежном быке» герой рассматривает свою руку в свете свечи, как он делал это ребенком. Имение Суходол было мечтой для молодых Хрущевых еще со времен, когда они были детьми. В «Пыли» Хрущов вспоминает, как в детстве ездил в посещаемый им город с отцом за покупками.

Третьим мотивным компонентом «хрущёвской» парадигмы является мотив семейственности, принадлежности к роду. Хрущев из «Снежного быка» – семьянин, заботливый и любящий отец. В «Пыли» Хрущов вспоминает об уходе из обедневшей семьи и поездках в город с отцом. Над душой суходольцев «так безмерно велика власть <...> древней семейственности» [III, 117-118]. Кровное родство суходольских Хрущевых подтверждает комплекс общих мотивных связей в системе персонажей: *азиатская внешность, нелепая смерть, помешательство, любовь*.

Четвёртый мотив – разрушения, умирания в рассказах сопровождается забыванием. Первый Хрущев ломает снежную фигуру быка. Имение Суходол разоряется, жизнь постепенно уходит из него, разрушаются дома, забываются древние предания, охладевает в конце концов и былой интерес рассказчиков к родовому поместью. В «Пыли» Хрущов не находит дом, в котором жил юношей – дома словно исчезают. Разрушение подкрепляется мотивом страха как предчувствия беды. Прошлое в рассказах уходит медленно и неохотно, пытается остаться настоящим: снежный бык лепился неоднократно, дом в Суходоле после пожаров постоянно перестраивался из обрубков старых сгоревших домов, люди в «Пыли» будто те же, что были двадцать пять лет назад.

⁴ Бунин И.А. Собрание сочинений. В 6 т. М., 1987. Т. 3. С. 123. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы в скобках.

Таким образом, как и в «ивлевских» рассказах, можно говорить о сближении героев Бунина с автором. Однако особенность более ранних «хрущевских» текстов в том, что герои-однофамильцы являются носителями не только авторского сознания, но и его мировоззренческой системы. Мощный биографический подтекст «хрущевских» рассказов, общность ключевых образов и категорий сознания, связанных с мироощущением автора, делают его и героев-однофамильцев практически неразделимыми. Хрущевы являются своеобразной осью, на которой крепятся основные позиции и вопросы жизни самого Бунина, такие как *род, смерть, память*.

Фамилия Мещерских появляется с 1916 по 1941 гг. в рассказах «Легкое дыхание», «Митина любовь» и «Натали». Аристократический род Мещерских, известный в России с XIV века, упоминается в известной оде Г.Р. Державина «На смерть князя Мещерского» (1779). Ода имеет связь с рассказами Бунина точной характеристикой Мещерских как сынов *«роскоши, прохлада и нег»*. Оля Мещерская в «Легком дыхании» и Виталий Петрович в «Натали» предстают баловнями судьбы, любимцами жизни. «Без всяких забот и усилий» [IV, 94] приходят к ним жизненные блага. Не только жизнь благоволит – они сами *стремятся жить в полную силу* и пытаются реализовать это посредством *любви*. Мещерские бросаются в жизнь с головой, только любовь они считают истинной жизнью, истинной целью. При этом оба подменяют понятия духовной любви телесным наслаждением. Это бешеное стремление жить и любить губит и Олю, и Виталия Петровича. Пресыщение, переизбыток жизни приводят Олю к неожиданной смерти, а Виталия Петровича обрекают на несбывшуюся любовь.

Образ Мещерских в сжатом виде содержится в рассказе «Митина любовь». Там Ольга Петровна – мать Мити – советует сыну, тоскующему от несчастной любви: «Может, проехался бы куда-нибудь... к Мещерским, например... *Полон дом невест*, – прибавила она, улыбаясь, – *и вообще, по-моему, очень милая и радушиная семья* (курсив наш. – Я.Б.)» [IV, 358]. Семья Мещерских прямо выступает как место, где можно без труда найти любовь. Подобным образом реальный род Мещерских благодаря своему аристократическому происхождению, наличию в нем таких знатных красавиц, как Мария Ивановна и Екатерина Николаевна, не мог быть обойден стороной женихами.

Однако впервые ономастическая единица «Мещерские», появляется в рассказах не как антропоним, образованный от наименования местности, а именно как топоним в повести «Суходол» (1911). Там Мещерские болота является излюбленным местом охоты Герваськи и Аркадия Петровича Хрущева в молодости. Существенно то, что для места охоты как процесса наиболее подходящего для проявления буйного, горячего нрава суходольцев, выбрана местность, этимологически восходящая к татарскому роду. В «мещерских» рассказах возникает ключевая для писателя антитеза Азии и Европы.

Азиатское происхождение реального рода Мещерских наиболее явно наследуется Виталием Петровичем: «*черные усики*» [V, 372] и «*грузинск[ая] красот[а]*» [V, 377]. Портрет брата Виталия Петровича – Алексея Николаевича – заметно менее полный, но и в нем видны азиатские черты: это «*заросший черными блестящими волосами, картавящий великан с красным сочным ртом*» [V, 381]. Даже Натали, которая только в замужестве стала Мещерской, описана Соней как типичная восточная красавица: «так называемые “золотые” волосы и черные глаза. И даже не глаза, а черные солнца, выражаясь *по-персидски*. Ресницы, конечно, огромные и тоже черные, и удивительный золотистый цвет лица, плечей и всего прочего» [V, 372]. Происхождение и внешность героев являются такими же не поддающимися человеческому контролю сферами, как неудержимое и разрушительное стремление Мещерских к любви.

Вместе с тем, этой неистовости героев-однофамильцев в любви противостоит сила культуры. Виталий Петрович, уехавший в деревню в поисках «любви без романтики», переживает муки выбора между плотской страстью к Соне и трепетом к Натали.

Тот же конфликт родового и культурного есть и в Оле Мещерской: ее живой и пылкий нрав был невольно подкреплен эпизодом из отцовской книги (ср. с книжной атрибутикой Натали) о легком дыхании, который она выучила почти наизусть, что в результате привело к падению и гибели героини. Семья Мещерских в «Митиной любви» охарактеризована двойственно: это одновременно «дом невест» – образ, напоминающий восточный гарем, в котором у женщины отсутствует индивидуальность, и, в то же время, уважаемое светское общество.

Таким образом, персонажи-однофамильцы занимают уникальное место в сложной системе антропонимики прозы Бунина и показывают её парадигмальный характер. Анализ ономастических «гнезд» Хрущёвых и Мещерских позволяет говорить об особенностях бунинской циклизации и проникнуть в философские, историософские и биографические подтексты прозы писателя.

Список литературы:

1. Бунин И.А. Собрание сочинений. В 6 т. М., 1987.
2. Капинос Е.В. «Некто Ивлев»: возвращающийся персонаж Бунина // Материалы к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы: Лирические и эпические сюжеты. Новосибирск, 2010. Вып. 9. С. 132 – 143.
3. Капинос Е.В. Автоперсонаж и онейрическое пространство в рассказе И.А. Бунина «Зимний сон» // Вестник Удмуртского государственного университета. 2011. Вып. 4. С. 52 – 58.
4. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф – имя – культура // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллин, 1992. С. 58 – 75.
5. Мароши В.В. Имя автора: историко-типологические аспекты экспрессивности: автореф. дис. докт. филол. наук. Новосибирск, 2000. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/imya-avtora-istoriko-tipologicheskie-aspekty-ekspressivnosti> (дата обращения: 10.03.2014).